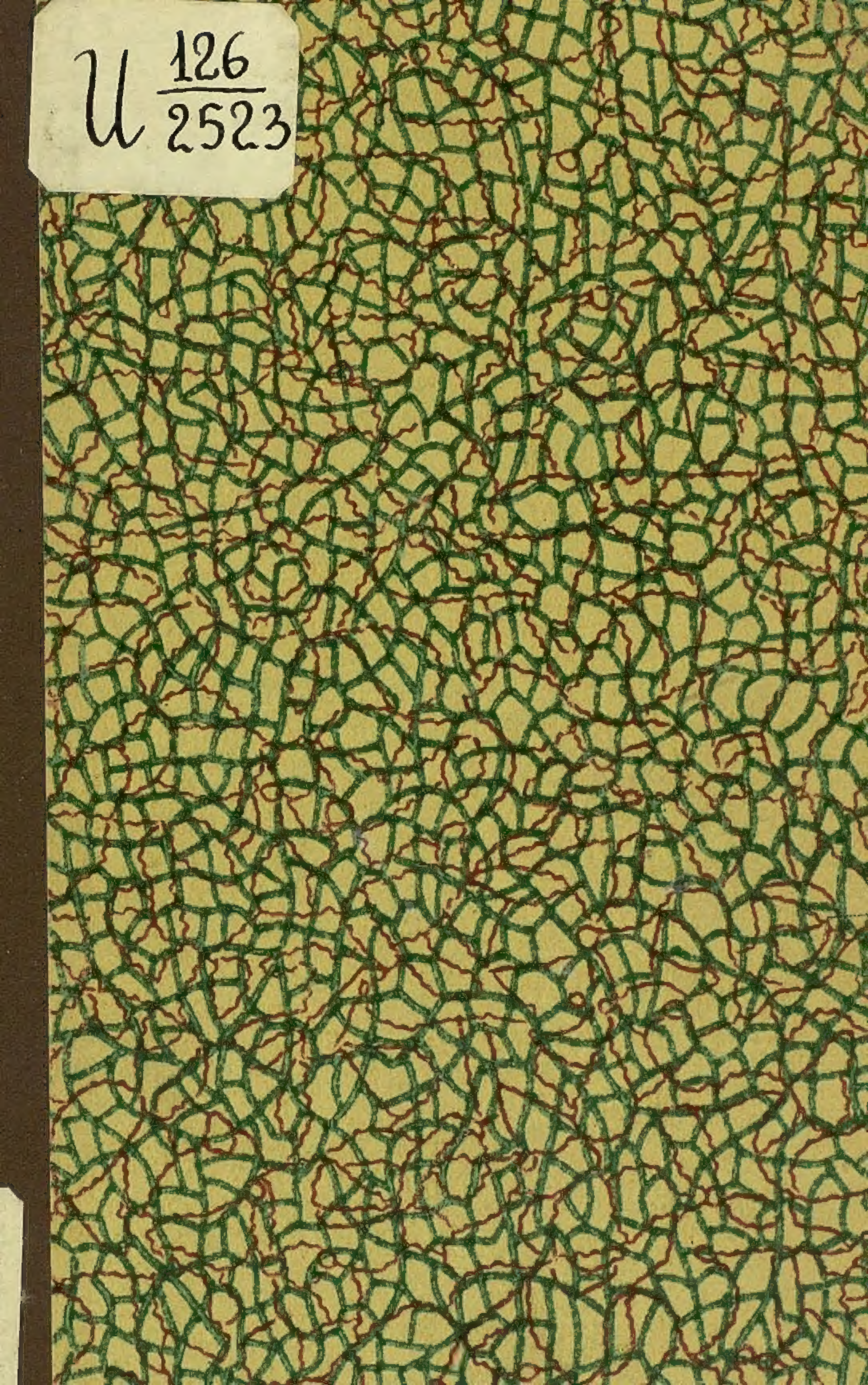

И 126/2523

2007110158

Нѣсколько словъ о Владимірѣ Алексѣевичѣ Корниловѣ.

(По поводу біографическаго очерка Кап. 2-го ранга Шестакова).

....Ainsi, contribuer à exciter de plus en plus les officiers à étudier les grands capitaines, les grandes choses qu'ils ont faites, la science dont leurs actions ont posé les principes, ne saurait être qu'une chose méritoire; et à défaut d'un grand succès dans cette voie, l'avoir entrepris est une bonne action qui porte en elle même sa récompense, laquelle suffit à ma conscience.

Durat-Lasalle. Du Généralat.

Современныя литературы западной Европы въ особенности богаты разнаго рода біографіями, записками, корреспонденціями замѣчательныхъ людей. Этотъ родъ сочиненій имѣетъ тамъ огромную массу читателей, и не удивительно: *человѣкъ* останется всегда самымъ привлекательнымъ и возвышеннымъ предметомъ изученія для человѣчества. The noblest study of mankind is man. Люди спеціальные находятъ въ этихъ сочиненіяхъ тьму поучительныхъ для себя подробностей, уроки мудрости, купленной часто дорогимъ опытомъ, и обогащаютъ свое спеціальное образованіе. Большинство же читателей любитъ слѣдить въ нихъ за жизнію и земною дѣятельностію людей, которые играли болѣе или менѣе важную роль въ исторіи, а яркій отпечатокъ характера, личности, почему нибудь замѣчательной, приковываетъ къ себѣ вниманіе, и близкое знакомство съ великими характерами невольно возвышаетъ духъ и благотворно дѣйствуетъ на развитіе человѣка. Не даромъ мудрые наставники даютъ юношамъ въ руки Плутарха. У насъ, этотъ

родъ сочиненій почти несуществуетъ, или ограничивается небольшими журнальными статьями, предѣлы которыхъ едва позволяютъ указать на особенно замѣчательныя черты характера и земной дѣятельности, и большею частію заставляютъ ограничиваться краткимъ перечисленіемъ заслугъ и не рѣдко—увы! — не представляютъ ничего, кромѣ перефразированнаго послужнаго списка, съ примѣсью «цвѣтовъ краснорѣчія» автора, à sa discrétion. Но не въ этомъ должна состоять задача добросовѣстнаго біографа: взявъ на себя обязанность представить потомству лице, необыкновенное по способностямъ, замѣчательное по значенію его въ жизни, заслуги котораго дороги отечеству, онъ долженъ и изобразить своего героя такимъ точно, какимъ онъ былъ въ жизни, не упустивъ ничего, что можетъ объяснить характеръ его жизни и дѣятельности, собрать всѣ его мысли, всѣ труды, могущіе имѣть значеніе для потомства. Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ былъ слишкомъ извѣстенъ нашему флоту, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ М. П. Лазарева, какъ одинъ изъ лучшихъ и самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, чтобы флотъ этотъ могъ быть равнодушенъ къ его памяти и къ духовному его наслѣдію. Съ другой стороны, отечество не должно забывать людей, которыми оно можетъ гордиться, и для человѣчества вообще — не должны пропадать примѣры мужей, которые могутъ служить образцами отдаленному потомству. По многимъ отношеніямъ, нельзя не желать появленія добросовѣстной, дѣльной біографіи покойнаго.

Но въ настоящее время, кажется, рано еще и думать о томъ: происшествія, въ которыхъ онъ игралъ не всѣмъ извѣстную, но слишкомъ важную роль,—еще такъ свѣжи; дѣйствующія лица, которыя пощажены войною, еще не успѣли сойти со сцены, личныя страсти успокоиться,—и наконецъ, самый трудъ требуетъ, конечно, работы тща-

тельной, неторопливой, и долго, можетъ быть, придется еще Корнилову ждать біографіи, его достойной. Между тѣмъ, событія слѣдуютъ съ поразительною быстротой одно за другимъ, забываются великія утраты, составляются новыя репутапіи, и тотъ, чьи дѣла уже не могутъ безпрестанно говорить о немъ отечеству, нерѣдко подвергается незаслуженному забвенію и холодности.—Таковы были мысли, возбужденныя въ насъ чтеніемъ біографическаго очерка, принадлежащаго краснорѣчивому перу одного изъ лучшихъ нашихъ сослуживцевъ-писателей. Нельзя не поблагодарить его въ душѣ за то, что среди многочисленныхъ трудовъ, онъ находитъ еще время свой оригинальный талантъ и увлекательную теплоту сердца приложить къ такому благородному дѣлу, какъ очерки дѣятельности нашихъ морскихъ знаменитостей. Будучи вполнѣ согласны съ большею частію его взглядовъ и мнѣній, мы думаемъ однако, что еще нѣсколько подробностей о послѣднихъ дняхъ необыкновеннаго человѣка, еще нѣсколько словъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ моряковъ нашихъ не покажутся лишними, если только они будутъ соотвѣтствовать достоинству предмета и нашей личной преданности памяти «одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ нашего флота.»

Трудно начать говорить о человѣкѣ, не сказавъ ничего о томъ, какимъ образомъ онъ сдѣлался тѣмъ, какимъ привыкли его знать. Во всеоружіи, какъ вышла Минерва изъ головы Юпитера, никто не родится. Родители, наставники, начальники, всѣ эти лица имѣютъ большее или меньшее вліяніе на развитіе человѣка. В. А. Корниловъ принадлежалъ къ той счастливой, и увы! уже не многочисленной семьѣ моряковъ нашихъ, которымъ досталось начать службу въ школѣ М. П. Лазарева, и говоря о Корниловѣ, трудно не обратиться мысленно къ

его наставнику, преемникомъ коего онъ сдѣлался въ послѣдствіи.

Изъ незабвенныхъ заслугъ отечеству Михаила Петровича, самая великая и по истинѣ безсмертная заслуга состояла, конечно, въ томъ, что онъ умѣлъ передать духъ, жившій въ немъ, людямъ, избраннымъ имъ, что онъ образовалъ цѣлую семью людей, составляющихъ честь и славу нашего флота, и между ними нѣсколько человѣкъ,— равныхъ которымъ, по высокому развитію, трудно бы было указать, какъ у себя, такъ и у другихъ. Но отдавая должное памяти М. П. Лазарева, будемъ справедливы и къ тому, кому онъ передалъ свой Черноморскій флотъ.

Если Михаилу Петровичу принадлежитъ неоспоримо заслуга поставить этотъ флотъ въ уровень съ лучшими флотами современными, то только при преемникѣ его, флотъ достигъ послѣдней степени совершенства, далѣе которой идти было уже трудно. Прежде у насъ были суда, которые были бы образцами во всѣхъ флотахъ: назовемъ изъ нихъ только «12 Апостоловъ» и «Силистрію». Въ 1854 году, образцовыхъ судовъ не было: всѣ были одинаковы, всѣ были превосходны. Надо было внимательно всматриваться, долго слѣдить опытнымъ глазомъ за всѣми дѣйствіями, чтобы замѣтить, кто былъ слабѣе другихъ. Вотъ великій результатъ мудрой системы, въ рукахъ неутомимаго и геніальнаго исполнителя: это почти предѣлъ того, что человѣку дано достигнуть. Теперь, можно, кажется, безъ ложной скромности (и въ особенности тому, кто самъ не принималъ участія въ этомъ преуспѣяніи Черноморскаго флота) — высказать мнѣніе, что *вообще*, наши корабли были *лучше* непріятельскихъ въ отношеніи внутренняго порядка, дисциплины, и самого искусства управленія, т. е. всѣхъ предметовъ, которыми привыкли гордиться моряки. Что̀ были въ состоя-

ніи сдѣлать эти корабли, трудно рѣшить: — не мудрено, что были люди, у которыхъ закружилась голова, и которымъ показалось, что для этого малочисленнаго флота не было ничего невозможнаго.

Артиллерія достигла высокаго совершенства только при Владимірѣ Алексѣевичѣ. Таже удивительная система тревоги, которая первоначально введена была на «12 Апостолахъ», принята была и усвоена на всѣхъ судахъ флота, со всѣми улучшеніями и усовершенствованіями, указанными 12 лѣтнимъ опытомъ и наблюденіемъ. Задача дать человѣку, «взятому отъ сохи», — тройственное образованіе солдата, артиллериста и моряка, была, кажется разрѣшена такъ хорошо, какъ только можно. Каковы были эти моряки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, — свидѣтельствуетъ вся осада Севастополя; что касается до послѣдняго, — мы увѣрены, что всѣ безпристрастные судьи давно отдали имъ справедливое. Флотъ, содержимый болѣе года въ *ежеминутной* готовности выйти въ море и принять бой, удѣлялъ въ тоже время все, что могъ, и для сухопутной обороны. Дѣятельность Корнилова успѣвала всюду. Такъ, послѣ Синопскаго сраженія и въ то время, какъ денно и нощно, шли исправленія поврежденныхъ кораблей, матросами выстроены батареи, усилившія и безъ того страшную оборону рейда и носившія названія *12 Апостольской*, *Парижской* и *Святославской*. Изъ дессантныхъ партій съ кораблей и фрегатовъ составлена, для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ, бригада въ 4 баталіона, при коихъ состояли 2 легкія батареи, сформированныя изъ дессантныхъ орудій, — 8 орудій каждая, съ прислугой изъ матросовъ (*). Тому

(*) Одинъ изъ этихъ баталіоновъ (Кап. Лейт. Графа Рачинскаго), при 4-хъ орудіяхъ, участвовалъ въ сраженіи на Алмѣ, гдѣ часть его, разсыпанная въ цѣпь, вмѣстѣ съ 6 стрѣлковымъ баталіономъ, занимала деревню Бурлюкъ впереди центра нашей позиціи. Остальные баталіоны занимали въ это время охранительные посты по берегу въ окрестностяхъ Севастополя.

же влiянiю обязана существованiемъ «Волохова» башня,— плодъ усердiя частнаго человѣка, которую Англичане прозвали осою (wasp). Другая оборонительная башня (на Малаховомъ Курганѣ), не вполнѣ оконченная, была выстроена городомъ. Наконецъ третiю (на высотѣ около Голландiи) — долженъ былъ подарить городу флотъ, и уже работа кипѣла, подъ личнымъ надзоромъ Контръ-Адмирала В. И. Истомина, когда послѣдовала высадка непрiятеля, Алминское сраженiе, и проч.

Въ этотъ послѣднiй годъ жизни, не переставая съ обычною, и ему одному свойственною, дѣятельностiю заниматься всѣми отраслями многосторонняго управленiя, среди безпрерывныхъ смотровъ, коими поддерживался и безпрестанно совершенствовался боевой порядокъ на судахъ флота (*), среди частыхъ выходовъ въ море нашихъ пароходовъ, которые всѣ были имъ направляемы, Владимiръ Алексѣевичь находилъ еще время заниматься и сухопутною частiю военнаго искусства. Справочныя книги военныхъ наукъ не сходили со стола его, и постояннымъ его чтенiемъ, въ свободныя минуты, была военная исторiя: одною изъ послѣднихъ книгъ, которыя читалъ онъ, были Депеши и приказы Веллингтона, Gurwood'a.

Умъ, одинаково поразительный какъ обширностiю общихъ взглядовъ, такъ способностiю углубляться въ по-

---

(*) Эти, образцовые въ своемъ родѣ, смотры Корнилова, поддерживая въ недремлющемъ состоянiи духъ порядка и совершенствованiя на флотѣ, были такъ полезны, что не разъ случалось самому Павлу Степановичу Пахимову, (который былъ старшiй флагманъ на рейдѣ, и имѣлъ флагъ на «12 Апостолахъ» Корниловъ—на кораблѣ «В. К. Константинъ»)—когда онъ замѣчалъ, что какой нибудь корабль отставалъ отъ другихъ, просить Владимiра Алексѣевича съѣздить туда и сдѣлать смотръ. Мы рады случаю привести это, неважное само по себѣ, обстоятельство въ доказательство того, какъ неосновательны были слухи, распускавшiеся на счетъ взаимныхъ отношенiй обоихъ Адмираловъ. Эти два необыкновенные человѣка знали цѣну другъ другу, и до конца жизни сохранили короткость отношенiй, порождаемую взаимнымъ уваженiемъ.

дробности, необыкновенная проницательность и быстрота соображенія, отличное знаніе всѣхъ отраслей службы, практическое умѣнье обходиться съ людьми, и управлять ими, дѣятельность, всегда приводившая всѣхъ въ удивленіе, наконецъ смѣлость и рѣшительность, вотъ качества, въ которыхъ не отдать ему справедливости не могутъ и самые его противники, качества, которыя въ немъ всѣ находились въ степени, недоступной для человѣка обыкновеннаго разряда. Присоедините къ этому энергію, не знавшую преградъ, съ юношескою бодростію духа и высокую преданность благу отечества, и вы увидите, что для такого человѣка едва ли было много недоступнаго на свѣтѣ.

Главнокомандующій лучше чѣмъ кто нибудь зналъ и понималъ цѣну покойнаго, и потому, когда обстоятельства потребовали вывести изъ Севастополя всю небольшую нашу армію, съ тѣмъ, чтобы сохранить сообщенія съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность предпринять что-либо къ спасенію Севастополя, когда Главнокомандующій, сознавая необходимость своего присутствія при арміи, т. е. тамъ, гдѣ были всѣ наши силы и всѣ наши надежды, сознавая необходимость устроить эту маленькую армію послѣ Алминской неудачи, рѣшился отправиться къ войскамъ, онъ не покинулъ Севастополя безъ защиты: онъ оставилъ тамъ Корнилова. Не кому либо изъ старшихъ его въ чинѣ, не сухопутному генералу, а ему предоставлено было командованіе войсками на Сѣверной сторонѣ, откуда первоначально ожидали нападенія непріятеля,

И главнокомандующій не ошибся въ выборѣ... Если кто нибудь былъ въ состояніи замѣнить собою отсутствіе Главнокомандующаго и спасти тогда Севастополь, то одинъ Корниловъ. Присутствіе его въ городѣ внушало жителямъ спокойствіе и довѣренность. Самое удаленіе

арміи и отъѣздъ Главнокомадующаго не произвели смятенія и страха, столь естественныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, и большая (безполезная) часть жителей оставила городъ не тогда, а только когда вновь открылось сообщеніе съ арміею т. е. не прежде 19 или 20 Сентября, и то по приказанію самого Корнилова.

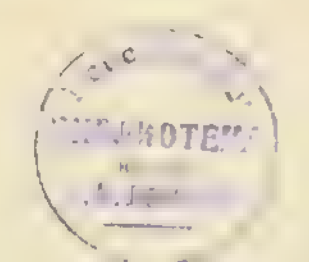
Горячо принялся Корниловъ за дѣло: день и ночь свозились орудія и снаряды съ кораблей, заготовлялись склады и депо, устроивались средства сообщенія и доставки; запасы, изъ мѣстъ, еще не занятыхъ непріятелемъ, забирались въ городъ; формировались вновь и вооружались команды; устроивались управленія. Въ нѣсколько дней воздвигалсь громадная защита города: нѣсколько тысячъ человѣкъ были заняты день и ночь земляными работами, батареи росли и покрывались сотнями орудій, число вооруженныхъ защитниковъ Севастополя прибывало ежедневно, и удивился непріятель, когда, обойдя Севастополь съ востока, онъ собралъ свои силы къ югу отъ города, на возвышенной плоскости Херсонеса Таврическаго. Тамъ, гдѣ онъ разсчитывалъ найти, гдѣ, въ своихъ рекогносцировкахъ съ моря, самъ видѣлъ только нѣсколько довольно слабыхъ полевыхъ укрѣпленій, онъ встрѣтилъ почти сплошной рядъ земляныхъ работъ, покрытыхъ орудіями самаго большаго калибра, и все это росло и продолжало усиливаться въ глазахъ его. Только тотъ, кто видѣлъ дѣйствія Корнилова въ это время, можетъ вполнѣ понимать великость потери нашей въ день 5 Октября. И всѣ эти страшныя средства, открытыя и двинутыя его волею, обдуманно и безоошибочно были направлены къ цѣли. Корниловъ нашелъ человѣка, дѣятельность и энергія котораго были въ состояніи выполнить задачу, который не затруднился краткостію времени, не запутался въ обширности средствъ, но сразу понялъ все, что можно было извлечь изъ нихъ, и всю осо-

бенность положенія, который пришелся по плечу великому начальнику: въ Севастополѣ случился инженеръ, имя котораго должно было пріобрѣсть громкую извѣстность въ Европѣ, и сдѣлаться предметомъ національной гордости для Россіи.

Можно, не боясь обвиненій въ пристрастіи, сказать, что вся безпримѣрная оборона Севастополя была создана Корниловымъ. До послѣдняго дня, система, порядокъ сохранились такъ, какъ они были имъ заведены, и хотя нерѣдко случалось слышать въ послѣдствіи справедливыя жалобы на неудобства нѣкоторыхъ частностей, но къ нимъ какъ будто боялись прикоснуться: такъ глубоко было во всѣхъ сознаніе совершенства системы, направленія, оставленнаго Корниловымъ.

Для тѣхъ, которые были личными свидѣтелями этихъ достопамятныхъ событій, ходъ обстоятельствъ долженъ казаться совершенно понятнымъ и яснымъ. Пылкій и рѣшительный генералъ предпринялъ овладѣть Севастополемъ, внезапнымъ нападеніемъ, съ сухаго пути. Разсчеты его, смѣлые до дерзости, были однакожь, какъ показали послѣдствія, вѣрны; въ одномъ только онъ ошибся, но ошибся потому что это обстоятельство не могло входить въ его соображенія: въ защитникѣ Севастополя онъ нашелъ человѣка, себѣ не подъ силу (il avait trouvé son maître, какъ говорятъ Французы). Борясь съ смертельнымъ недугомъ, Сентъ-Арно послѣ Алмы не показалъ рѣшительности и быстроты, которыя однѣ могли увѣнчать успѣхомъ его предпріятіе. Медленно двигалась союзная армія послѣ битвы, и эта медленность и нерѣшительность съ одной стороны, а съ другой, кипучая дѣятельность и энергія Корнилова,—спасли Севастополь. Въ долинѣ Черной рѣчки, французскій главнокомандующій, сраженный давно носимою имъ болѣзнію, принужденъ былъ сдать начальство, и управленіе арміею перешло въ

2

руки хорошихъ генераловъ, но людей осторожныхъ и разсчетливыхъ, которые не раздѣляли его смѣлаго плана и, кажется, вначалѣ противились ему. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, имъ оставалось только принять этотъ планъ, въ половину уже исполненный, что они и сдѣлали, но для успѣха его, слѣдовало дѣйствовать стремительно, очертя голову, и не давая намъ опомниться, а они стали поступать осторожно, осмотрительно и медленно. Первою заботою непріятеля, по переходѣ на лѣвую сторону Черной рѣчки, 14 Сентября, было овладѣть Балаклавою и Херсонскими бухтами, и утвердиться въ занятой позиціи. За тѣмъ, начались рекогносцировки и осмотры мѣстности, да и едва ли можно было, даже и при азартной смѣлости Сентъ-Арно, двинуться на приступъ большаго и многолюднаго города, прикрытаго полевыми укрѣпленіями, и число защитниковъ коего не могло быть извѣстно, не осмотрѣвъ въ подробности мѣстность, гористую и пересѣченную, которая, сама по себѣ, представляетъ трудности необыкновенныя, и союзникамъ была совершенно незнакома, и не обдумавши зрѣло плана нападенія. А между тѣмъ, укрѣпленія наши росли и множились, и съ каждымъ днемъ и каждымъ часомъ, атака открытою силою становилась труднѣе и невозможнѣе. Черезъ нѣсколько дней, открылось сообщеніе съ нашею арміею; 19-го, гарнизонъ былъ усиленъ, и наконецъ 21-го, непріятель открылъ траншеи. И такъ, дѣло «сомнительное», которое взялъ Корниловъ на себя, но не «произвольно», а по внушенію любви къ Отечеству, и только вслѣдствіе просьбъ и убѣжденій лицъ, старшихъ его, которымъ была поручена оборона южной стороны города,—было имъ совершено также успѣшно, какъ привыкъ онъ дѣлать все, за что ни брался. Надлежало обезпечить городъ отъ открытаго нападенія, удержать его на столько времени, чтобы дать возможность Главно-

командующему дождаться грозныхъ массъ, спѣшившихъ изъ Россіи, и подавить ими непріятеля,— успѣхъ казался несомнѣннымъ, и въ первый разъ, въ продолженіи этихъ дней, можно было вздохнуть свободнѣе, глядя на узенькую полоску вновь взрытой земли, коею обозначалась первая параллель непріятеля. Распорядитель оборонительныхъ работъ торжествовалъ: открывалась осада, и вмѣсто легкаго овладѣнія городомъ открытою силою, о чемъ мечталъ французскій главнокомандующій, городъ долженъ былъ достаться врагамъ только цѣною осады, безпримѣрной въ исторіи, по продолжительности, трудамъ, потери въ людяхъ и употребленнымъ средствамъ.

Всегда необыкновенная, физическая дѣятельность Корнилова въ это время поражала всѣхъ удивленіемъ. Слабый и больной тѣломъ, онъ предавался такимъ трудамъ, которые часто бывали не подъ силу окружавшимъ его, людямъ въ цвѣтѣ лѣтъ и здоровья, и у коихъ также не было недостатка въ усердіи. Адмиралъ вставалъ часу въ 6-мъ утра, и черезъ полчаса, уже начиналъ принимать лица, въ продолженіи дня спѣшившія съ разныхъ сторонъ за приказаніями. Въ 8-мъ часу, напившись чаю, онъ садился на коня и отправлялся осматривать оборонительныя работы. Эти поѣздки продолжались обыкновенно часу до перваго, иногда и долѣе; возвратясь домой, онъ занимался еще часъ или полтора бумагами, и потомъ садился обѣдать съ своимъ «военнымъ семействомъ», какъ онъ дѣлалъ честь иногда называть состоявшихъ при немъ. Часа въ 4 Адмиралъ были уже опять на конѣ, и спѣшилъ опять куда нибудь на укрѣпленія, и возвращался домой не ранѣе, какъ по наступленіи уже совершенной темноты, т. е. въ 7-мъ или въ 8-мъ часу вечера. Здѣсь опять цѣлая толпа разныхъ лицъ ожидала его. Кто знаетъ, съ какимъ вниманіемъ Владиміръ Алексѣевичь всегда выслушивалъ всѣхъ, какъ онъ входилъ во

всѣ подробности, и никогда не отпускалъ отъ себя никого безъ полнаго наставленія, не убѣдившись, что тотъ будетъ дѣйствовать именно такъ, какъ нужно,—тотъ пойметъ, что это занятіе поглощало не мало времени. Многихъ, переговоривъ, онъ отпускалъ; другихъ же, съ которыми хотѣлъ еще говорить, оставлялъ пить чай. Въ это же время, обыкновенно и большая часть начальниковъ собиралась въ маленькій домикъ, въ которомъ жилъ онъ. Истомленный, измученный, садился Адмиралъ пить чай, и оставался за столомъ часа два, занятый въ это время обыкновенно разговоромъ съ Павломъ Степановичемъ Нахимовымъ и другими лицами, не переставая и тутъ дѣлать распоряженія и отдавать приказанія. Наконецъ, наступала очередь получать приказанія и для тѣхъ, которые имѣли счастіе состоять при немъ. Потомъ, отпустивъ всѣхъ, Адмиралъ садился еще за бумаги и писалъ, обыкновенно за полночь, часто и гораздо позже. Такъ проходилъ день, но и короткій промежутокъ ночи, остававшійся для отдыха и сна, былъ часто нарушаемъ фальшивыми тревогами, случавшимися очень нерѣдко по ночамъ, частію отъ дѣйствительнаго пониманія опасности, въ которой находился городъ отъ нечаяннаго нападенія, частію, конечно, и отъ неопытности войска. По два и по три раза въ ночь, случалось Адмиралу вставать, и онъ спѣшилъ верхомъ къ тому пункту, отъ куда начиналась тревога. И каково бы ни было физическое истомленіе силъ, каковы бы ни были страданія душевныя, никто не можетъ похвастать, что видѣлъ ихъ. Всегда сохранявшій наружное достоинство, Адмиралъ и тутъ не измѣнялъ себѣ: когда другіе смутились и падали духомъ, Корниловъ думалъ или распоряжался. Жертвовать собою, умереть, готовы были всѣ, но поднять на свои плеча начальство, распоряженія, отвѣтственность, рѣшился одинъ Корниловъ. Римскій сенатъ благодарилъ

Варрона за то, что въ критическую минуту, онъ не отчаялся въ спасеніи отечества. Въ незабвенные дни Сентября 1854 года, когда передъ грозою обстоятельствъ, самыя мужественныя сердца поколебались, и не нашлось у нихъ ничего, кромѣ личной храбрости, кромѣ готовности умереть, Корниловъ одинъ, съ своею несокрушимою энергіею, взялъ на себя борьбу съ обстоятельствами. Только въ такихъ случаяхъ, рѣзко выходитъ впередъ личность великаго человѣка. Быстротою соображенія и дѣятельностію замѣнить недостатокъ времени, изобрѣтательностію ума — недостаточность средствъ, увлекательнымъ примѣромъ и краснорѣчивымъ словомъ вселяя во всѣхъ геройскія чувства, одушевленіемъ восполнить малочисленность войска; — всѣ эти качества и способности полководца и великаго человѣка, съ блескомъ явилъ тогда Корниловъ, — и если онъ говорилъ войскамъ: «отступленія не будетъ», и войска ему вѣрили и готовились умирать, то тѣмъ не менѣе, въ тылу, всѣ средства, какія можно было принять въ случаѣ неудачи, были обдуманы и подготовлены, лица, которыя должны бы были дѣйствовать, предувѣдомлены, и имъ даны были наставленія.

Между тѣмъ, быстро летѣло время, и насталъ наконецъ кровавый день 5 Октября, день крещенія Севастополя огнемъ и желѣзомъ. Рано утромъ, — едва открылась канонада, — Адмиралъ поскакалъ на 4-й бастіонъ, ближайшій пунктъ отъ его квартиры. Не успѣвъ выѣхать вмѣстѣ съ нимъ, я уже на бастіонѣ присоединился къ его свитѣ. Не смѣю говорить о своихъ личныхъ чувствахъ въ статьѣ, посвященной памяти героя, но не могу умолчать о впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на меня въ эти минуты. Утро было прекрасное и мгла, обыкновенная въ этотъ часъ дня, соединившись съ дымомъ выстрѣловъ, не разносимомъ вѣтромъ, совершенно заволокла все пространство, отдѣлявшее насъ отъ непріятеля.

Съ визгомъ летѣли снаряды съ трехъ сторонъ и перекрещивались внутри бастіона; потеря въ людяхъ была уже очень значительная: тѣла убитыхъ и раненыхъ, которыхъ не успѣвали уносить, валялись вездѣ. Люди, нѣсколько оторопѣвшіе съ непривычки, въ первыя минуты, отстрѣливались горячо и быстро. Когда я отыскалъ Адмирала, онъ стоялъ на банкетѣ, и смотрѣлъ за брустверъ: покойно и строго было выраженіе его лица; легкая улыбка едва замѣтно играла на устахъ; глаза, — эти удивительные, умные и проницательные глаза, — свѣтились ярче обыкновеннаго; щеки пылали. Высоко держалъ онъ голову; сухощавый и нѣсколько согнутый станъ его выпрямился: онъ весь какъ будто сдѣлался выше ростомъ.... Я никогда не видалъ человѣка, прекраснѣе его въ эти минуты. — Два раза прошелъ Адмиралъ быстрыми шагами по всему фронту бастіона до *грибка*, останавливаясь у орудій, заглядывая вездѣ въ амбразуры и разговаривая съ комендорами. Возвратясь на правый флангъ бастіона, въ исходящемъ углѣ котораго стоялъ начальникъ втораго отдѣленія оборонительной линіи, Вице-Адм. Новосильскій и переговоривъ съ нимъ, Владиміръ Алексѣевичъ пошелъ къ лошадямъ, оставленнымъ нами за бараками позади бастіона. Лошади пугались снарядовъ и не стояли на мѣстѣ, и отыскивая нѣсколько минутъ свою, я отсталъ отъ Адмирала, но зная, что онъ намѣренъ былъ ѣхать на 5-й бастіонъ, я отправился прямо туда. Здѣсь было почти тоже самое, что на 4-мъ бастіонѣ, только внутреннее пространство тѣснѣе, и потеря въ людяхъ, хотя тоже значительная, была, кажется, менѣе, чѣмъ тамъ. Пав. Ст. Нахимовъ былъ тутъ, и какъ всегда дѣятельно и горячо распоряжался всѣми дѣйствіями, входя во всѣ подробности и одушевляя людей всегда удачно сказаннымъ словомъ привѣта или одобренія. Вскорѣ пріѣхалъ и Владиміръ Алексѣевичъ, который, кажется, за-

ѣзжалъ въ это время на промежуточныя батареи между 4-мъ и 5-мъ бастіонами. Оба Адмирала довольно долго разговаривали, стоя рядомъ на банкетѣ. Въ это время, ядро, пролетѣвшее около нихъ, сорвало голову одному изъ матросовъ прислуги, и обдало мозгомъ и кровью нѣкоторыхъ изъ свиты, стоявшихъ у ногъ ихъ. Пав. Ст. Нахимовъ остался на 5-мъ бастіонѣ, а Владиміръ Алексѣевичъ поѣхалъ дальше къ правому флангу, на 6-й, — и оттуда домой... Здѣсь, въ то время, какъ мы пили чай, я напомнилъ Адмиралу о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, которыя нужно было сдѣлать на рейдѣ, и о перемѣщеніи нѣкоторыхъ судовъ, которое направленіе непріятельскихъ снарядовъ дѣлало необходимымъ. Адмиралу угодно было согласиться съ моими предположеніями, и приказать привести ихъ въ исполненіе. — Черезъ нѣсколько минутъ, выходя изъ дому, я встрѣтилъ его на галереѣ, которая вела на крышу дома. Адмиралъ остановился со мною, и сказавъ еще нѣсколько словъ, въ дополненіе уже полученныхъ мною приказаній, — приказалъ ѣхать на рейдъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ ихъ...

Послѣ этого, я уже не видалъ его.

—

Лазаревъ, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ! Какія благородныя имена! Я останавливаюсь надъ этою общею могилой, въ которой погребено столько драгоцѣннаго для флота и для Россіи, и прошу позволенія заключить мои воспоминанія о незабвенномъ начальникѣ, словами рескрипта въ Бозѣ почившаго Императора супругѣ покойнаго:

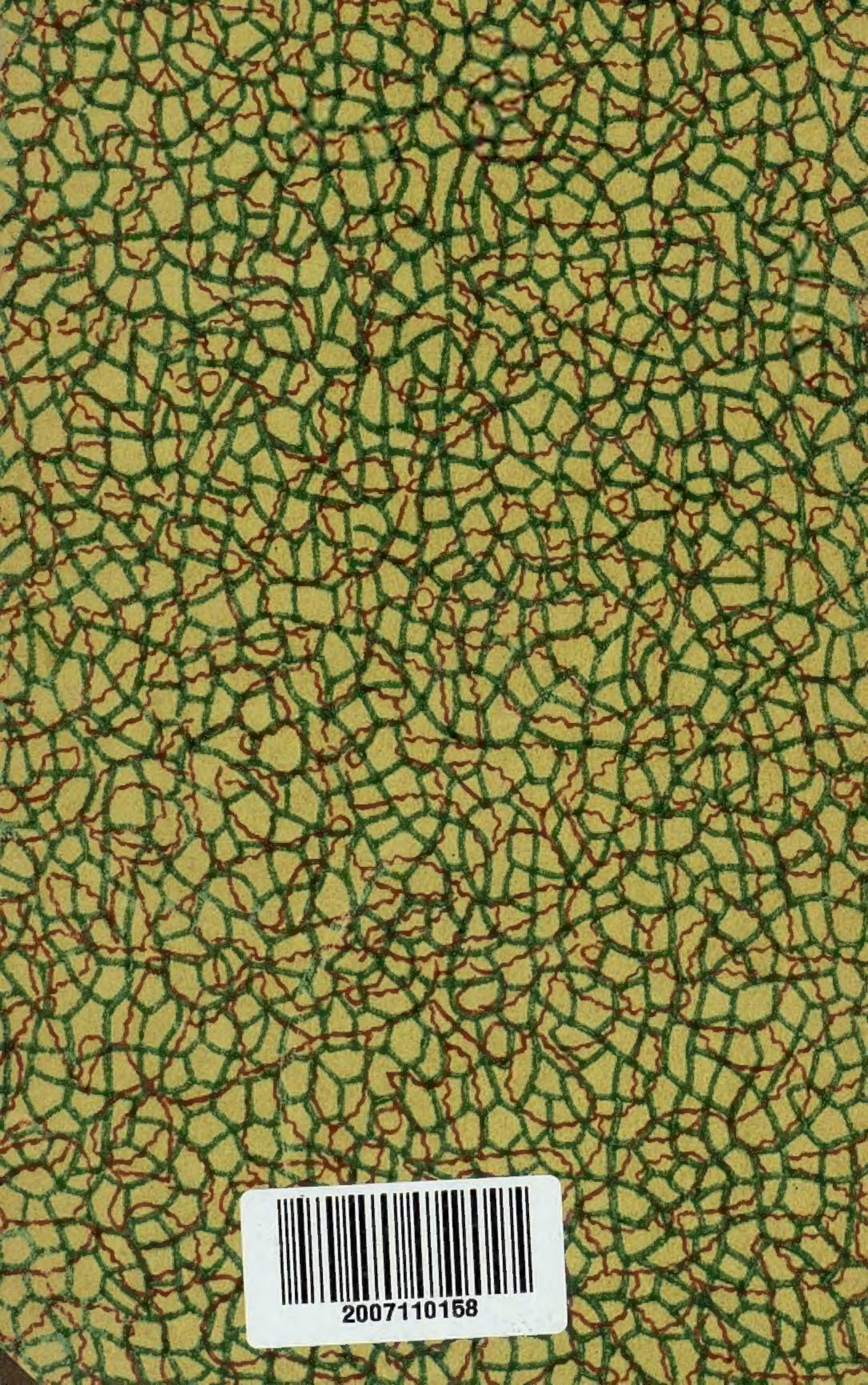
«Онъ говорилъ: я счастливъ, что умираю за отечество. Россія не забудетъ этихъ словъ, и дѣтямъ Вашимъ переходитъ имя, почтенное въ исторіи Русскаго флота».

И. Лихачевъ.

Николаевъ.
Въ Январѣ 1856 года.

Изъ Морскаго Сборника № 7, 1856.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

2007110158